

оригинальная статья

«Буддист» барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг и «правая литература»

Дубаков Леонид Викторович
 Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай, Шэньчжэнь
<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>
dubakov_leonid@mail.ru

Поступила в редакцию 06.12.2022. Принята после рецензирования 13.01.2023. Принята в печать 23.01.2023.

Аннотация: Анализируются особенности рецепции буддийской составляющей образа барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга в «правой литературе» России. Посредством интерпретационного и сравнительного методов устанавливается специфика восприятия и изображения Р. Ф. Унгерна в произведениях Э. В. Лимонова, А. Г. Дугина, поэтов и эссеистов из альманаха «Чёрный корпус», выпущенного Братством св. прп. Иосифа Волоцкого, Л. Р. Прозорова. Каждый из авторов по-своему апологизирует Р. Ф. Унгерна, для каждого из них он выступает в качестве знамени борьбы против неправильного с их точки зрения миропорядка. Для Э. В. Лимонова и А. А. Широпаева он – контрзападный, антибуржуазный, противомещанский, революционно настроенный воин, ставший монголо-буддийским богом войны Махагалой; для А. Г. Дугина – универсальный пратьекабудда, несущий миру очистительное разрушение, предтеча бодхисаттвы Майтрейи; для авторов альманаха «Чёрный корпус» – христианский воитель, связанный с буддизмом и противостоящий красной идее; для Льва Прозорова – демоническое мистическое существо, избравшее фашизм как способ подчинения мира, но равняющее себя в том числе с Буддой и Христом. Во всех обозначенных случаях образ барона Р. Ф. Унгерна существует в высоком стилевом регистре; аспекты его реальной биографии, проблема религиозного выбора и религиозного соответствия отходят на второй план на фоне его символизации; Р. Ф. Унгерн превращается в принцип, вдохновляющий современную правую, евразийскую, традиционалистскую идею.

Ключевые слова: Р. Ф. Унгерн фон Штернберг, буддизм, правая литература, апология, символизация, мистицизм, Э. В. Лимонов, А. Г. Дугин

Цитирование: Дубаков Л. В. «Буддист» барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг и «правая литература». *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 1. С. 128–135. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-128-135>

full article

Buddhist Baron R. Ungern von Sternberg and the Right-Wing Literature

Leonid V. Dubakov
 Shenzhen MSU-BIT University, China, Shenzhen
<https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>
dubakov_leonid@mail.ru

Received 6 Dec 2022. Accepted after peer review 13 Jan 2023. Accepted for publication 23 Jan 2023.

Abstract: The article describes the way Russian right-wing literature reflected the Buddhist component of the image of Baron R. Ungern von Sternberg. The author used the interpretive and comparative methods to study the works by E. Limonov, A. Dugin, and L. Prozorov, as well as poets and essayists from the Black Corps Almanac published by the Brotherhood of St. Rev. Joseph Volotsky. Each of these authors had their own perception of R. Ungern's image, but he remained a symbol of struggle against the wrong world order. For E. Limonov and A. Shiropaev, he was an anti-Western, anti-bourgeois, and revolutionary-minded warrior who became Mahagala, a Mongol-Buddhist god of war. For A. Dugin, he was a universal Pratyekabuddhayāna who was to bring a purifying destruction upon the world as a forerunner of Bodhisattva Maitreya. For the team of the Black Corps Almanac, he was a Buddhism-related Christian warrior who opposed the red ideology. For L. Prozorov, R. Ungern was a demonic mystical being who chose fascism as a means to conquer the world but thought himself equal to Buddha and Christ. In all these cases, the image of Baron R. Ungern existed in a high stylistic register while his real biography and religious issues faded into the background, overshadowed by his symbolism. As a result, Baron R. Ungern turned into a principle that still inspires the modern right-wing, Eurasian, and traditionalist idea.

Keywords: R. Ungern von Sternberg, Buddhism, right-wing literature, apology, symbolization, mysticism, E. Limonov, A. Dugin

Citation: Dubakov L. V. Buddhist Baron R. Ungern von Sternberg and the Right-Wing Literature. *SibScript*, 2023, 25(1): 128–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-128-135>

Введение

Буддизм в русской литературе насчитывает как минимум два с половиной века художественного освоения. Наиболее активно буддийские образы и мотивы находили многообразное претворение в литературе Серебряного века и литературе постсоветской. Буддизм продолжает оставаться в центре внимания современной отечественной литературы. Литературоведы, отталкиваясь от работ В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, Н. П. Анциферова, в которых говорится о *петербургском тексте* [Анциферов 2014; Лотман 1998; Лотман, Успенский 1982; Топоров 1995], транспонировали структурно-семиотический подход в географо-урбанистическую [Богумил 2017; Люсый 2016; Манн 1998; Меднис 1999; Тюпа 2002], а затем и в религиозную сферу [Алексеев 2014] и, в частности, заговорили о *буддийском тексте* русской литературы. К примеру, Р. Ф. Бекметов осмысляет буддийский текст как часть ориентального дискурса в истории русской литературы XIX в. [Бекметов 2018]. Буддийский текст имеет много составляющих, одна из них – образ литературного героя, оказывающегося в той или иной связи с буддизмом.

Для русской литературы таким героем стал известный участник Гражданской войны барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг. Корпус посвященных ему художественных текстов является по-настоящему внушительным. Об Р. Ф. Унгерне, актуализируя буддийские аспекты его образа, в рамках эмигрантской и советской литературы писали такие авторы, как Д. Г. Алёшин, В. Я. Зазубрин, М. С. Колесников, П. Н. Краснов, Б. М. Лапин, С. Н. Марков, А. И. Несмелов, А. Ф. Оссендовский, В. С. Познер, К. Ф. Седых, А. П. Хейдок. Р. Ф. Унгерн по-прежнему вызывает интерес у писателей и в постсоветской, современной литературе. О нем как о буддисте в той или иной степени писали или пишут А. О. Белянин, Ф. Н. Горенштейн, А. Г. Дугин, А. Костин, Э. В. Лимонов, И. И. Ломакина, В. О. Пелевин, И. Рябов, Л. А. Юзефович и др.

О бароне Р. Ф. Унгерне в художественной литературе (опять же имея в виду буддийские составляющие образа), к сожалению, литературоведами написано немного. Чаще филологический аспект косвенно затрагивается историками, философами, политологами. В качестве филологов выступают и писатели. Так, образ Р. Ф. Унгерна в отдельных

произведениях первой половины прошлого века осмысливается И. А. Дябкиным [Дябкин 2009; 2010; 2011; 2012; Дябкин, Забияко 2009] и М. С. Улановым [Уланов 2008]. Т. Е. Сорокина, А. В. Михалев и Л. В. Дубаков рассматривают образ барона Р. Ф. Унгерна в современной литературе [Дубаков 2022а; 2022б; Михалев 2018; Сорокина 2018]. Ряд текстов называют и фрагментарно анализируют Л. А. Юзефович¹ и И. И. Ломакина².

Названные выше писатели представляют различные взгляды. В настоящей статье анализу подвергается рецепция барона Р. Ф. Унгерна в творчестве писателей, которых можно отнести к т. н. «правой литературе». Понятие *правая литература* может быть истолковано по-разному, т. к. включает широкий круг явлений. В этой связи А. В. Михалев пишет, что вокруг образа барона, «созданного в культуре и СМИ, строятся идеологии как евразийской, так и крайне правой ориентации» [Михалев 2018: 130], а Л. А. Юзефович отмечает, что на рубеже тысячелетий в России барон Р. Ф. Унгерн стал знаменем националистов и неофашистов³, также его фигура важна и для патриотов правого толка⁴. Иными словами, «правая литература» – не обязательно радикальная литература и не обязательно строго «правая».

Порой сложно и конкретного автора отнести к той или иной идеологии. Так, в книге Л. А. Юзефовича «Самодержец пустыни» обращается внимание на два примера различного восприятия барона Р. Ф. Унгерна в русской литературе – правый и левый, по мысли писателя. Речь идет об образе Р. Ф. Унгерна у А. Г. Дугина и Э. В. Лимонова. Однако это деление представляется нам в данном случае условным, так как их идеолого-философские платформы генетически близки и преимущественно «левый», революционный взгляд на Р. Ф. Унгерна в книге Э. В. Лимонова «Священные монстры (портреты)» соседствует в его творчестве с преимущественно «правым», имперским в книге «Ереси. Очерки натуральной философии».

С другой стороны, для А. В. Михалева оба ниже рассмотренных текста, и лимоновский, и дугинский, однозначно являются примерами укоренения образа барона Р. Ф. Унгерна в праворадикальном дискурсе, превращения его в «идеальный тип ультраправого лидера», адаптированный к «современным политическим реалиям» [Михалев 2018: 139].

¹ Юзефович Л. А. Самодержец пустыни. Барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: АСТ; Ред. Елены Шубиной, 2019. 588 с.

² Ломакина И. И. Грозные Махакалы Востока. М.: Яуза; Эксмо, 2003. 384 с.

³ Юзефович Л. А. Самодержец пустыни... С. 572.

⁴ Там же. С. 573.

Результаты

В книге «Священные монстры», в посвященном барону Р. Ф. Унгерну эссе, Э. В. Лимонов подчеркивает в нем антибуржуазные черты⁵. В рамках концепции книги барон – «священный монстр», один из тех, кто не умещается в границы представлений об обычном человеке. Причем выражение *священные чудовища*, восходящее к пьесе Ж. Кокто, в случае Р. Ф. Унгерна действительно может быть понято у Р. Ф. Лимонова и буквально. Кратко пересказывая биографию и описывая его внутренний портрет, отмечая, что он *потомок многих поколений отмороженных немецких рыцарей*, Э. В. Лимонов пишет, что *буддистские ламы считали его воплощением чудовищного, многорукого, украшенного черепами Махагалы – бога войны, защитника буддизма; Фанатичный, суеверный, аскетичный барон Унгерн был жутким Махагалой и для своих подчиненных*. Далее указано, что Р. Ф. Унгерн был *гением, пришествие которого проповедовал другой аристократ Юлиус Эвола*. И на уровне лексики (*черный барон, герой, холод / мороз*), и общего смысла это очень схоже с пассажем из книги А. Г. Дугина «Тамплиеры пролетариата», где про барона Ю. Эволу сказано, что *Холод и «дистанция» – вот два слова, которые, пожалуй, чаще всего встречаются в лексиконе «чёрного барона» и что Герой, по определению, должен быть холодным*⁶.

Э. В. Лимонов апологизирует барона Р. Ф. Унгерна, не ретушируя его жестокость, а обозначая, что историческая ситуация вполне соответствовала его образу действий: *В Урге мёртвых выбрасывали на специальное место к обрыву у реки, где их пожирали, сколько им угодно, священные собаки*. В этом контексте, *среди раскрашенных тибетских храмов, в дыму жаровен, у бронзовых статуй Будды, у красочных рынков, среди сотен тысяч побирающихся монахов с чашами, и Унгерн и Сипайло выглядят менее страшно*. Экзотичное средневековое Монголии вполне адекватный фон для этих средневековых персонажей⁷. В эссе, обозначенном как легенда, «Бог войны – Махагала» Э. В. Лимонов пишет: *Абсолютная жестокость Унгерна (ему приписывают сверхжестокие казни и даже сожжение на костре живьем) была беспощадностью Махагалы*. В ней не было ничего личного. *Идея воссоздания державы Чингисхана была его программой*⁸.

При этом писатель смешивает в своей апологии религиозное и национально-историческое и выдает красочное и религиозное (или гигантское – см. описание монастыря Гандан в Урге⁹) за то, что одурманивает и иррационализирует сознание. Рассуждая о ситуации рубежа XX–XXI вв., Э. В. Лимонов заключает, что *Дух барона должен быть удовлетворен*, и создает восторженный поэтико-метафизический образ бога войны, вдохновляющего современный традиционализм на битву против обывательского и эксплуататорского в своей основе атлантизма и европеизма: *Он поправляет шёлковый китайский халат, с императорскими погонами, садится в позу «лотоса» и повисает над нами, невидимый, и трёт перстень с чёрным камнем*. По преданию, *это перстень Чингиз-хана. Кто владеет им – владеет всей Азией*¹⁰. А. А. Юзефович в последнем издании «Самодержца пустыни» откликается на этот лимоновский текст, никак не оценивая леворадикальное мировоззрение автора, но отмечая, что символизация Р. Ф. Унгерна как бунтаря против буржуазного миропорядка вполне объективна и соотносится с его реальным образом¹¹.

По пути символизации и сакрализации образа барона Р. Ф. Унгерна пошел философ А. Г. Дугин, проявивший себя как драматург. Для цикла радиопередач *Finis Mundi* им была написана радиопьеса «Барон Унгерн: Бог Войны», роль барона в постановке которой исполнил Э. В. Лимонов. А. Г. Дугин видит в Р. Ф. Унгерне того, кто планировал создать на территории Монголии новое государство, основанное на традиции, государство, которое будет противостоять профанической реальности большевизма и демократии и от которого, как от *магической точки сакральной географии, должна начаться Великая Реставрация*¹². А позже – того, кто собирался пойти в Тибет, к Далай-ламе, высшему жрецу буддизма, чтобы создать там «Орден монахов-воинов» для завоевания мира. Когда сподвижник барона Б. П. Резухин говорит тому «нет», то *Казалось, что это «нет» внезапно разрушило его мечту: так неожиданно сорвавшаяся лавина сметает приютившийся над обрывом буддистский храм, и он летит в пропасть с мельницами для молитв и бонзами в шафрановых одеяниях*. Выразительный и говорящий образ, присутствующий

⁵ Лимонов Э. В. Барон Унгерн фон Штернберг: черный барон. In: Лимонов Э. В. *Священные монстры (портреты)*. СПб.: Питер, 2019. С. 271–276.

⁶ Дугин А. Г. Орлон, или Заговор героев (Чезаре делла Ривера). In: Дугин А. Г. *Тамплиеры пролетариата (национал-большевизм и инициация)*. М.: Арктогея, 1997.

⁷ Лимонов Э. В. Барон Унгерн фон Штернберг: черный барон...

⁸ Лимонов Э. В. Бог войны – Махагала. *Лимонка*. 1995. № 15. URL: <http://samzan.net/184268> (дата обращения: 02.12.2022).

⁹ Там же.

¹⁰ Лимонов Э. В. Барон Унгерн фон Штернберг: черный барон...

¹¹ Юзефович А. А. Самодержец пустыни... С. 573.

¹² Дугин А. Г. Барон Унгерн: Бог Войны. *Finis Mundi*. URL: <https://paideuma.tv/video/baron-ungern-bog-voyuny-aleksandr-dugin-finis-mundi#/?playlistId=0&videoId=0> (дата обращения: 02.12.2022).

в этом сравнении, превращает тезис в антитезис. Кроме того, Р. Ф. Унгерн, по А. Г. Дугину, – не мечтатель, но визионер, понимающий мистическую географию и провидящий мистическую историю: *Вот над монастырем-крепостью развевается золотой стяг с подковой и солнечным знаком Чингиз-Хана. Волны Балтийского моря разбиваются о громаду Тибета. Восхождение, вечное восхождение на Крышу Мира, где царят свет и сила...* В этом пассаже точка зрения перемещается на высоту птичьего полета и еще выше, а географическая карта мира превращается в символический рисунок. Наконец, А. Г. Дугин называет Р. Ф. Унгерна предвестником *Десятого Аватара, Мстителя, Триумфатора, Грозного Судии*¹³. Здесь отражается эсхатологический взгляд на судьбу барона и концепция универсального спасительного посланника, который придет в конце времен и осуществит то, к чему стремятся имманентные тенденции цикла, не возможные, однако, поставить точку без вмешательства сверху. *<... > В буддизме эсхатологическим спасителем выступает Майтрея, Будда грядущих времён...*¹⁴ Эту буддийскую концепцию А. Г. Дугин упоминает также в книге «Философия политики»: *Тибетский, бурятский и калмыцкий буддизм в учении о «Калачакра-тантре» учит о подземной стране Шамбале, где пребывает «царь мира», «чакраварти», который появится в конце нашего цикла на поверхность земли и поразит тех, кто отступили от «правого пути», положив начало новой счастливой эпохе*¹⁵.

А. Г. Дугин, так же как и Э. В. Лимонов, апологизирует Р. Ф. Унгерна. Но если для Э. В. Лимонова эта апология заключается в *задающей* барона среде монгольского Средневековья, в которой тот действовал, то для А. Г. Дугина Средневековье в принципе *великолепное и блистательное*, поскольку обладает духовным величием, в отличие от скептического и циничного XX в., а жестокость барона, который похож на деятелей Средневековья и промышленяет о великом, *основана на высокой духовной аскезе и сродни определённого виду святости*¹⁶. Как и для Э. В. Лимонова, для А. Г. Дугина барон Р. Ф. Унгерн не умер окончательно, он мыслится в иной форме существования, и это формулируется в виде парадоксов, основанных на манифестационном подходе к бытию души (*душа, индивидуальная тонкая форма до своего воплощения в земном теле (плотной форме)*

*имеет автономное существование и может воплощаться и развоплощаться в иных телах <... > Этой точки зрения придерживается индуизм, буддизм махаяны*¹⁷): *Вы не умрёте: вы вновь воплотитесь в наиболее совершенной форме бытия; Но разве боги умирают? – Спросите Вы, и будете абсолютно правы. Они могут уйти, но умереть не могут*¹⁸. Л. А. Юзефович в «Самодержце пустыни» характеризует этот написанный на высокой эмоциональной ноте дугинский текст как *барабанную мистику*¹⁹, однако на первый взгляд комическая концентрация эзотерических концепций, образов и терминов в этой радиопьесе находит свое вполне серьезное и многосложное обоснование в дугинских философских и публицистических трудах.

В философском эссе «Неистовый гуманизм барона Унгерна» А. Г. Дугин, рассматривая барона в качестве в том числе религиозного типа, характеризует его как пратьекабудду²⁰. Но интерпретирует это явление иначе, чем буддизм. Для буддизма пратьекабудда – тот, кто достиг Пробуждения в одиночку [Андросов 2001; Сидоров 2005; Стрелков и др. 2006; Торчинов 2000], для А. Г. Дугина Р. Ф. Унгерн – *спонтанный будда, проснувшийся в мире людей и обнаруживший, что он не из мира людей, он просто пробуждённый в мире спящих <... > и, в отличие от бодхисаттвы, он не приносит в мир блага*²¹. Писатель, как и в радиопьесе, апологизируя барона, здесь невольно или намеренно исключает из определения пратьекабудды и измерение продолжительного добродетельного пути к этому состоянию, и этическое измерение, т. е. в частности такое качество, как доброту, основанную на мудрости: пратьекабудда, возможно, не приносит в мир блага, но не приносит в него и вреда, в отличие от барона Р. Ф. Унгерна. Вместе с тем в работе «Густав Майринк – Superieur inconnu» А. Г. Дугин, анализируя роман «Белый доминиканец», определяет, кто такой пратьекабудда, не отклоняясь от буддийской позиции: «Буддизм говорит о двух типах высшей духовной реализации: либо существо идет "отсюда туда" и, слившись с Принципом, навсегда замирает в неколебимом блаженстве Абсолюта (этот путь называется "путем пратьека-будды", "будды для самого себя и посредством самого себя"), либо существо, достигнув высшего уровня Божественного, вопреки совершенно очевидному

¹³ Там же.¹⁴ Дугин А. Г. Пути Абсолюта. URL: <https://coollib.com/b/65730-aleksandr-gelevich-dugin-puti-absolyuta/read> (дата обращения: 02.12.2022).¹⁵ Дугин А. Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 616 с.¹⁶ Дугин А. Г. Барон Унгерн: Бог Войны ...¹⁷ Дугин А. Г. Абсолютная Родина. М.: Арктогея-центр, 1999. 750 с.¹⁸ Дугин А. Г. Барон Унгерн: Бог Войны ...¹⁹ Юзефович Л. А. Самодержец пустыни... С. 574.²⁰ Дугин А. Г. Неистовый гуманизм барона Унгерна. *Evrazia.tv*. 31.12.2012. URL: <http://www.evrazia.tv/content/neistovyy-gumanizm-barona-ungerna> (дата обращения: 02.12.2022).²¹ Там же.

метафизическому преимуществу избирает возврат в бесконечно-малый (в сравнении с Абсолютом) космос, в область страдания и смерти (обычно таких существ называют "бодхисаттва"), "возврат оттуда сюда". Второй путь – путь Аватары. Его называют на инициатическом языке "нисходящей реализацией"²².

Р. Ф. Унгерн для А. Г. Дугина – направляющийся в Шамбалу аскет, и *аскеза Унгерна – это пустотная аскеза*²³. В том смысле, что для буддизма не существует Я, это набор случайных дхармо-частиц, подлинная природа которых – пустотность, и Унгерн как пратьекабудда заглянул в себя и в мир и увидел эту пустотность. Иными словами, Р. Ф. Унгерн – не вполне человек, он воплощенная и одновременно символическая предтеча глобальных перемен. В финале эссе писатель отмечает, *что не важно, как глубоко проник в Унгерна буддизм, важно, что он сражается за Традицию*²⁴. Стоит отметить, что тексты «Барон Унгерн фон Штернберг: черный барон», «Барон Унгерн: Бог Войны», «Неистовый гуманизм барона Унгерна» так или иначе восходят к статье европейского идеолога традиционализма Юлиуса Эвола «Кровожадный барон» (1973). И Э. В. Лимонов, и А. Г. Дугин его упоминают. В его небольшой статье намечается ряд тех направлений, по которым идут названные писатели: символический и сакральный образ Р. Ф. Унгерна, восприятие его как предтечи, буддизм барона, «который нельзя сводить к только лишь гуманистической моральной доктрине»²⁵, и проч.

Схожий с лимоновским и дугинским подход, но базирующийся уже, напротив, в однозначно праворадикальной идеологии, можно обнаружить в манифестообразных стихотворениях А. А. Широпаева, таких как «Унгерн», «Мы», «Полковник Курткин», «Осень». Эти произведения содержат буддийские или околобуддийские маркеры, которые парадоксально (и провокационно) соединяются у автора с экспрессивными антибуржуазными интенциями и мистико-фашистскими образами. Образ же буддизма, который создает и эксплуатирует поэт, – это образ таинственной и страшной религии Тибета – той *жёлтой веры*, о которой, как о сокрушительнице западных идеологических заблуждений, мечтал и барон Р. Ф. Унгерн:

*Колоссальный Будда октября
В колеснице по России катит <... >
Засытай, Россия. Впереди
Новая земля – Гиперборея.
С чёрным коловратом на груди
Мчится окровавленный Майтрейя*²⁶

И в целом такой резко правый, исполненный трагического и мессианского пафоса подход прослеживается в альманахе «Чёрный корпус». А. А. Широпаев выступает в нем со статьей «Я – барон Унгерн!», в которой обозначает связь между православной эсхатологией и мистикой Востока и буддизма. Помимо барона Р. Ф. Унгерна, он касается и фигуры Николая II, которому, согласно статье, тибетское посольство преподнесло *подлинные одежды Будды*²⁷. Свастика, по мнению А. А. Широпаева, возможно, присутствовавшая на этих одеждах, является связующим Восток и Россию, буддизм и христианство символическим элементом. А. В. Жуков пишет о том, что в своем синтетическом мировоззрении Р. Ф. Унгерн соединил *и буддийские каноны, и христианскую эсхатологию*²⁸. С. А. Яшин в стихотворении «Унгерн фон Штернберг» формулирует, что *Мистический Тибет хранит Грааль закона*²⁹. В стихотворении «Опричный Будда» (не входящем в этот сборник) С. А. Яшин видит Р. Ф. Унгерна сквозь запредельность буддизма. Р. Ф. Унгерн оказывается пассионарием, реализующим метафизические цели, пребывая в экстатическом состоянии и находясь в мистерии:

*Будда впадает в нирвану...
Скалится вновь Махакаала,
Дакини в танце кружат...*³⁰

Р. В. Бычков в статье «Страшен бог во святых своих», напротив, высказывает идею о том, что принятие Р. Ф. Унгерном буддизма можно рассматривать как *благочестивый обман* и что Р. Ф. Унгерн стремился *заклясть демонов крестом*³¹. Однако в стихотворении «Будда-крестonosец» (не входящем в этот сборник), перенося знаки земной биографии барона в его посмертную биографию, он также выражает мысль о религиозном синтезе, присутствующем

²² Дугин А. Г. Густав Майринк – Superieur inconnu. URL: <http://my.arcto.ru/public/meyrink/meyr-dug.htm> (Сохраненная копия) (дата обращения: 02.12.2022).

²³ Дугин А. Г. Неистовый гуманизм барона Унгерна ...

²⁴ Там же.

²⁵ Эвола Ю. Кровожадный барон. In: Эвола Ю. *Традиция и Европа*. Тамбов, 2009. С. 235.

²⁶ Широпаев А. А. Колоссальный Будда октября... URL: <https://vyastik.livejournal.com/35631.html> (дата обращения: 02.12.2022).

²⁷ Чёрный корпус: сборник статей и стихотворений. М.: Издание Братства св. прп. Иосифа Волоцкого, 2004. С. 21.

²⁸ Там же. С. 10.

²⁹ Там же. С. 24.

³⁰ Яшин С. А. Опричный Будда. URL: <https://sergey-v-fomin.livejournal.com/?skip=10&tag=Барон%20Р.Ф.%20фон%20Унгерн-Штернберг> (дата обращения: 02.12.2022).

³¹ Чёрный корпус... С. 35–36.

в образе Р. Ф. Унгерна, возвращающегося *Словно будда мести Майтрейя* и одновременно как *Архистратиг в дольний мир из нирваны, из Шамбалы*, чтобы покарать *Царство Хама*³².

Все авторы «Чёрного корпуса», стоящие на радикально православных позициях, продолжают создание мифа о бароне Р. Ф. Унгерне как христианском спасителе России.

Образ барона Р. Ф. Унгерна в связи с буддизмом вообще и с Шамбалой в частности появляется также в произведениях авторов, являющихся представителями массовой литературы. Так, А. Валентинов в романе-эпопее «Око силы», в его четвертой трилогии, действие романов которой происходит в альтернативном 1924 г., создает образ Р. Ф. Унгерна, связанного с мистическими буддийскими странами – Агартхой и Шамбалой. Романы «Генерал-марш» и «Век-волкодав» (второй и третий романы трилогии) написаны в жанре альтернативной истории. Образ Р. Ф. Унгерна фон Штернберга в них, помимо фантазии автора, соткан из реальных фактов и мифов, сложившихся вокруг барона в исторической и художественной литературе последних десятилетий. В частности, автор опирался на книгу А. Ф. Оссендовского «И звери, и люди, и боги», который, в свою очередь, произвел ряд заимствований о Шамбале из книги французского оккультиста Ж. А. Сент-Ив д'Альвейдра «Миссия Индии в Европе». При этом барон Р. Ф. Унгерн в романах А. Валентинова предстает более комическим персонажем, чем драматическим. Вместе с тем вокруг барона сохраняется мистический буддийский (и одновременно даурско-готический, восходящий к балладе А. И. Несмелова) мотивный флёр. Р. Ф. Унгерн в указанных романах А. Валентинова – тот, кто *возмнил себя Махакалой, Махакала-неудачник, несостоявшийся Махакала*. Всерьез же на эту роль выбран иной исторический персонаж – К. К. Рокоссовский: *Тот, кого вы так легкомысленно помянули, – поистине Махакала нашего века. В будущей войне ему предстоит вести в битву миллионы воинов и сокрушить царство Перевёрнутой Свастики. Я горжусь, что вышел с ним на битву. Когда вы нас познакомили, я увидел за его спиной пылающее небо и сонм ликующих демонов*³³.

Парадоксально, но в финале «Века-волкодава» обозначается возможность, что совершивший побег из австрийской психиатрической лечебницы барон Р. Ф. Унгерн окажется способен возглавить НСДАП, а значит встать под эти самые знамена с *перевёрнутой свастикой*. А. В. Михалев обращает внимание, что «развитие культ Унгерна получил

в Третьем рейхе, пропагандистская машина которого сформировала его образ как первого вождя нового типа, первого фашиста» [Михалев 2018: 137].

Интересно, что за три года до книги А. Валентинова, в 2008 г., эту возможность для героя художественно реализовал писатель-фантаст А. Р. Прозоров (в отчасти шаржированном виде он появляется в первом романе цикла А. Валентинова «Царь-Космос») также в жанре альтернативной истории в рассказе «Юбилей», в финале которого выясняется, что художник Адольф Шикльгрубер, *старый партиец с двадцатых*, написал портрет *Рейхсканцлера, Фюрера Германского народа Р. Ф. фон Унгерна-Штернберга*, а того *раздражает верноподданническая табличка внизу на раме – как будто нужны подписи и таблички изображениям Христа или Будды*³⁴. Р. Ф. Унгерн А. Р. Прозорова подвергается в рассказе двойному мифологизированию: с одной стороны, он превращается в миф посредством пропаганды Третьего Рейха, с другой – он сам воспринимает себя как некое неотмирное существо, мало отличное от *легендарных горгон и василисков, с ледяными, прозрачными и мёртвыми глазами*.

Одновременно в образе этого мифологизированного героя присутствует и ниспровергающий его момент. А. Р. Прозоров берет в качестве эпиграфа цитату из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, связывающую Р. Ф. Унгерна с Угрюм-Бурчеевым. Р. Ф. Унгерн в «Юбилее» в каком-то смысле характеризует *простота, доведённая до наготы*³⁵, этот Унгерн, в отличие от валентиновского, не различает свастик: *жить <... > для Него значило: сражаться и убивать. Теперь уже под знаменем с древним символом, который арии называли свастикой, монголы – хасом, а его предки-тевтоны – хакенкрейц*³⁶. И эта параллель тем более дискредитирует героя, чем больше мрачной, готической метафорикой появляется в рассказе. Всё это в совокупности вызывает ассоциацию с тиранами в «Розе мира» Д. Л. Андреева (см. гл. «Тёмный пастыр»).

Заключение

В широком праворадикальном дискурсе, в художественной литературе правого толка современной России барон Р. Ф. Унгерн фон Штернберг предстает в качестве героя, вокруг которого сложился поливариантный культ. Независимо от избранного жанра он изображается в высоком стилевом регистре, утрачивая реальные биографические очертания. Для Э. В. Лимонова Р. Ф. Унгерн –

³² Бычков Р. В. Будда-крестоносец. URL: <https://sergey-v-fomin.livejournal.com/tag/Барон%20Р.Ф.%20фон%20Унгерн-Штернберг> (дата обращения: 02.12.2022).

³³ Валентинов А. Генерал-марш. М.: Эксмо, 2011. 444 с.

³⁴ Прозоров А. Р. Юбилей. Священная война, сост. В. Л. Гончаров. М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 290.

³⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. М.: Гослитиздат, 1950. С. 153.

³⁶ Прозоров А. Р. Юбилей... С. 289.

апологизируемый борец против буржуазного мироустройства, для А. Г. Дугина – сакрализируемый мистический посланник, спаситель мира, для авторов альманаха «Чёрный корпус» – христианский воин, который был призван сокрушить большевизм, для Л. Р. Прозорова в его альтернативной истории – завоеватель мира. Каждый из названных авторов смотрит на барона Р. Ф. Унгерна как на человека, в том или ином виде связанного с буддийской религией (от традиционного буддизма этот образ далек). Для Э. В. Лимонова – он воплощение бога войны Махагалы, для А. Г. Дугина – по-своему понимаемый пратьекабудда, чувствующий мистическую географию и историю, для авторов «Чёрного корпуса» Р. Ф. Унгерн в своих поступках соединил христианскую и буддийскую мистику, для Л. Р. Прозорова – он сверхчеловек

или не-человек, видящий себя вровень с Христом и Буддой. Все писатели, произведения которых анализируются в статье, воспринимают барона Р. Ф. Унгерна не умершим: он жив для них как мистический принцип, в котором соединяются возможные перспективные правые или евразийские идеи, связанные с представлением о традиционной культуре, о религиозном синтезе, о мистической инспирации, о сильной, элитарной государственной власти и проч.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Алексеев П. В. Мусульманский Восток в литературе русского романтизма 1820–1830-х годов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. 188 с. [Alekseev P. V. *Muslim East in the literature of Russian Romanticism of the 1820s–1830s*. Gorno-Altai: GASU, 2014, 188. (In Russ.)] EDN: YKVAQO
- Андросов В. П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М.: Вост. лит., 2001. 508 с. [Androsov V. P. *Shakyamuni Buddha and Indian Buddhism. Modern interpretation of ancient texts*. Moscow: Vost. lit., 2001, 508. (In Russ.)] EDN: RUUYCB
- Анциферов Н. П. Душа Петербурга. М.: Бертельсманн Медиа Москва (БММ), 2014. 400 с. [Antsiferov N. P. *The Soul of St. Petersburg*. Moscow: Bertelsmann Media Moscow (BMM), 2014, 400. (In Russ.)]
- Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань: Школа, 2018. 328 с. [Bekmetov R. F. *Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue)*. Kazan: Shkola, 2018, 328. (In Russ.)] EDN: XYRMOX
- Богумил Т. А. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий. *Филология и человек*. 2017. № 4. С. 155–164. [Bogumil T. A. Defining the Altai text and Altai literature. *Filologiya i chelovek*, 2017, (4): 155–164. (In Russ.)] EDN: ZWUTMB
- Дубаков Л. В. Барон Унгерн в литературе 1920-х годов: двусторонняя оптика Гражданской войны. *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2022а. Т. 81. № 2. С. 48–53. [Dubakov L. V. Baron Ungern in the literature of the 1920s: the two-sided optics of the Civil War. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2022a, 81(2): 48–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S160578800019450-1>
- Дубаков Л. В. Концепции буддийской пустотности и иллюзорности в романе Л. А. Юзефовича «Князь ветра». *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2022b. Т. 32. № 5. С. 1085–1092. [Dubakov L. V. Concepts of Buddhist emptiness and illusory in L. A. Yuzefovich's novel "Prince of the Wind". *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 2022b, 32(5): 1085–1092. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-5-1085-1092>
- Дябкин И. А. Дальневосточные мифологемы гражданской войны: герои и образы. *Лосевские чтения-2010*: Регион. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 26 марта 2010 г.) Благовещенск: БГПУ, 2010. Вып. 3. С. 66–75. [Dyabkin I. A. Far Eastern mythologems of the Civil War: heroes and images. *Lovev Readings 2010*: Proc. Region. Sci.-Prac. Conf., Blagoveshchensk, 26 Mar 2010. Blagoveshchensk: BSPU, 2010, iss. 3, 66–75. (In Russ.)] EDN: TFWKAD
- Дябкин И. А. Мифологизация истории в творчестве Арсения Несмелова. *Россия и Китай на дальневосточных рубежах: от конфронтации к сотрудничеству*: науч. школы и Междунар. науч. конф. (Благовещенск, 14–21 сентября 2009 г.) Благовещенск: АмГУ, 2009. Вып. 8. С. 426–433. [Dyabkin I. A. Mythologization of history in the works by Arseny Nesmelov. *Russia and China on the Far Eastern borders: from confrontation to cooperation*: Sci. schools and Intern. Sci. Conf., Blagoveshchensk, 14–21 Sep 2009. Blagoveshchensk: ASU, 2009, iss. 8, 426–433. (In Russ.)] EDN: VUMXIA
- Дябкин И. А. Письма барона Р. Ф. Унгерна-фон-Штернберга (религиозные, философские и политические взгляды барона Унгерна). *Религиоведение*. 2012. № 1. С. 172–184. [Dyabkin I. A. Letters of Baron R. F. Ungern-von-Sternberg (the religious, philosophical and political views of Baron Ungern). *Religiovedenie*, 2012, (1): 172–184. (In Russ.)] EDN: NJZECR
- Дябкин И. А. Фольклорный образ героев Гражданской войны как источник литературной мифологизации (На материале дальневосточного фольклора 20–30 гг. XX в.). *Лосевские чтения-2011*: Регион. науч.-практ. конф. (Благовещенск,

- 29 марта 2011 г.) Благовещенск: БГПУ, 2011. С. 189–200. [Dyabkin I. A. Folklore image of the heroes of the Civil War as a source of literary mythologization in the Far Eastern folklore of the 1920s–1930s. *Losev readings-2011: Proc. Region. Sci.-Prac. Conf.*, Blagoveshchensk, 29 Mar 2011. Blagoveshchensk: BSPU, 2011, 189–200. (In Russ.)] EDN: TFWJQN
- Дябкин И. А., Забияко А. А. Неомифологические интенции в раннем творчестве Арсения Несмелова. *Русский Харбин, запечатленный в слове*, ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиева. Благовещенск: АмГУ, 2009. Вып. 3. С. 65–74. [Zabiyako A. A., Dyabkin I. A. Neomythological intentions in the early work of Arseny Nesselov. *Russian Harbin verbalized*, ed. Zabayako A. A., Efendieva G. V. Blagoveshchensk: ASU, 2009, iss. 3, 65–74. (In Russ.)] EDN: TPBRVW
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. In: Лотман Ю. М. *Об искусстве*. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14–285. [Lotman Yu. M. The structure of a literary text. In: Lotman Yu. M. *About art*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1998, 14–285. (In Russ.)]
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (к вопросу средневековой традиции в культуре барокко). *Художественный язык средневековья*, отв. ред. В. А. Карпушин. М.: Наука, 1982. С. 236–249. [Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. Echoes of the concept of Moscow as the Third Rome in the ideology of Peter the Great: medieval tradition in baroque culture. *The Artistic language of the Middle Ages*, ed. Karpushin V. A. Moscow: Nauka, 1982, 236–249. (In Russ.)] EDN: RRPITN
- Люсый А. П. Крымский текст русской литературы: история и современность. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 11. С. 161–171. [Lyusy A. P. The Crimean text in Russian literature: history and the present. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2016, (11): 161–171. (In Russ.)] EDN: TAUNMZ
- Манн Ю. В. Москва в творческом сознании Гоголя: штрихи к теме. *Москва и «московский текст» русской культуры*, отв. ред. Г. С. Кнабе. М.: РГГУ, 1998. С. 63–81. [Mann Yu. V. Moscow in Gogol's creative consciousness. *Moscow and the Moscow text of Russian culture*, ed. Knabe G. S. Moscow: RSUH, 1998, 63–81. (In Russ.)] EDN: RZBJOD
- Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск: НГУ, 1999. 392 с. [Mednis N. E. *Venice in Russian literature*. Novosibirsk: NSU, 1999, 392. (In Russ.)] EDN: TPYWOK
- Михалев А. В. Бог войны, или Память о «черном бароне» в правом дискурсе современной России. *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 129–146. [Mikhalev A. V. God of War or the Memory of the "Black Baron" in the right discourse of contemporary Russia. *Political science (RU)*, 2018, (3): 129–146. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31249/poln/2018.03.07>
- Сидоров С. А. Буддизм: история, каноны, культура. М.: Дизайн. Информация. Картография; Астрель; АСТ, 2005. 487 с. [Sidorov S. A. *Buddhism: history, canons, and culture*. Moscow: Dizaiin. Informatsiia. Kartografiia; Astrel; AST, 2005, 487. (In Russ.)]
- Сорокина Т. Е. Художественное становление национально-исторического архетипа «Русский мир» в современной прозе. Ростов н/Д: АкадемЛит ТМ, 2018. 222 с. [Sorokina T. E. *Artistic formation of the national and historical archetype of the Russian World in modern prose*. Rostov-on-Don: AkademLit ТМ, 2018, 222. (In Russ.)] EDN: YQEOCR
- Стрелков А. М., Торчинов Е. А., Монгуш М. В., Рябов С. В. Буддизм. Каноны. История. Искусство. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2006. 600 с. [Strelkov A. M., Torchinov E. A., Mongush M. V., Ryabov S. V. *Buddhism. Canons. History. Art*. Moscow: Dizaiin. Informatsiia. Kartografiia, 2006, 600. (In Russ.)]
- Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему). In: Топоров В. Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 259–367. [Toporov V. N. Petersburg and the Petersburg text in Russian literature: introduction. In: Toporov V. N. *Myth. Ritual. Symbol. Image: a mythopoetic study. Selected works*. Moscow: Progress-Kultura, 1995, 259–367. (In Russ.)] EDN: VKXBQN
- Торчинов Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: Акад. проект, 2000. 334 с. [Torchinov E. A. *Introduction to Buddhology: a course of lectures*. St. Petersburg: Akad. proekt, 2000, 334. (In Russ.)] EDN: VRSDKP
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы. *Сибирский филологический журнал*. 2002. № 1. С. 27–35. [Tyupa V. I. Siberia mythology: to the question of the "Siberian text" of Russian literature. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2002, (1): 27–35. (In Russ.)] EDN: YBSLLF
- Уланов М. С. Барон Унгерн и буддизм. *Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и искусство: Вторые Доржиевские чтения*. (Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2006 г.) СПб.: Петерб. востоковедение, 2008. С. 31–36. [Ulanov M. S. Baron Ungern and Buddhism. *Buddhist culture: history, source studies, linguistics, and art: 2nd Dorzhiev readings*, St. Petersburg, 9–11 Nov 2006. St. Petersburg: Peterb. vostokovedenie, 2008, 31–36. (In Russ.)] EDN: YLAKGD